

"... Не заблуждайтесь. Я пришел к вам сегодня, чтобы сказать вам, что вы больше не можете иметь чью-либо плоть...»

'...'

"... Нет ответа? Думаю, тогда я просто сорву его с его тела...»

— Нет, точно не у Сезара. Не смей его срывать. Даже если бы Сезар предложил снять его сам, я не позволю тебе его иметь. Нет, я даже не дам тебе шанса снять его».

Лил всегда не была уверена в том, что лучше для нее и для нее самой. Но теперь она поняла, что это место больше не является их домом. Они должны были выйти. Возможно, Сезар будет настаивать на том, чтобы остаться в замке, однако Лил решила. Она держала его за руку и убегала.

Хихиканье пронзило темноту.

"... Как ты думаешь, он этого хочет?...

«Мне все равно! Это то, что я решил!»

Вдали от замка ее босые ноги ступали на траву. Травинки, лежащие на ветру и щекочущие подошвы ее ног, поразили ее. Мир голубовато-зеленого хрустела между ее ерзающими пальцами. Не привыкшая смотреть прямо на свет, ее кислые и холодные глаза в конце концов были устремлены к небу. Солнечный свет, освещающий поля, не допускал темноты. Декорации выглядели как декорации большой сцены, на них был включен прожектор, заставляя ее чувствовать, что она может бегать везде.

Ветер дул задорно. Ветер, ее старый друг, казалось, приветствовал ее возвращение.

Она посмотрела на Сезара, который, возможно, колебался.

Она полностью понимала его колебания.

«Я знаю, каково это — колебаться из-за затяжных чувств. Но он человек, который сияет не так, как я. Точно так же, как мой свет не имеет смысла перед ним, я также не вижу его цели. И вместе мы потеряли из виду свет друг друга и погрузились во тьму... Но даже несмотря на это, я всегда думал, что мы были бы счастливы, если бы разделили все в темноте против красоты мира.

Но Сезар процветает в мире, где он является главным героем. Так он и должен был жить. Мне просто жаль, что я понял это слишком поздно. Эта жизнь уже оставила шрам, который я не

могу надеяться залечить в этой жизни, это просто то, что я не могу сделать. Я всегда думал, что способен на это, но, в конце концов, я убил его, его всех людей.

Теперь я знаю, что не могу заполнить его дыры. Раны, которые можно залечить только светом. Я просто не могу быть этим человеком, потому что не понимаю его света...»

Пока Лил смотрела на присутствие в невидимой темноте, смех Мортю медленно стихал. Нет, она не была уверена, действительно ли Мортю исчезает или реальность возвращается к ней.

— тихо окликнул ее Сезар.

«Лилоа...»

Лил открыла глаза и полностью оторвалась от своего заблуждения.

— Ты не изменишься, Сезар. Вы никогда не назовете Филадельфию красивой. Что меня больше всего огорчает и что меня больше всего расстраивает, так это то, что, хотя ты так сильно меня любишь, у тебя даже нет желания присмотреться к Филадельфии, которую я ценю больше всего на свете...»

«Это нонсенс. Ты только что сказал, что расстроен, но разве ты не тот, кто всегда злится на меня? Иногда, или в некотором смысле, это действительно так кажется...»

Сезар по-прежнему считал, что Лил должна отрицать свой гнев. Это заставило ее терпение взорваться. Все ее тело горело, как будто оно вот-вот загорится. Она знала, что Сезар относился к ней лучше, чем кто-либо другой. Однако Лил никогда не чувствовала благодарности ни за что из этого. Для нее было весьма сомнительно, можно ли вообще считать его обращение «хорошим». Он относился к ней как к стеклянной кукле, которая разбивалась при прикосновении, что убедило его в том, что он должен всегда защищать ее. Однако такое поведение только напомнило Лил о том, что она не сможет выжить самостоятельно.

Путь Сезара продолжался даже тогда, когда Лил отверг его, и он никогда не отказывался от того, что считал правильным. Так же, как и Лил.

— Конечно. Я злюсь. Почему бы и нет?

— С чего ты вдруг так себя ведешь?

«Почему вы не можете считать само собой разумеющимся, что не только рабы, но и я могу злиться? Потому что я всего лишь твоя собственность? Потому что я создан для тебя и твоих детей? Потому что я несовершенный человек, который ничего не может сделать, кроме как стоять рядом с тобой и чувствовать себя достаточно удачливым, чтобы быть любимым тобой?»

«Знаете что, всякий раз, когда вы это делаете, я чувствую себя обиженным. Ты вкладываешь слова в мои уста. Я никогда не думал о тебе таким образом. Ты можешь сделать так много, и я верю, что у тебя есть такая сила».

«Если бы это было правдой, почему ты думаешь, что я не могу жить без тебя?!»

«Лилоа. Мне жаль это говорить, но на самом деле мир — опасное место для женщин, живущих в одиночестве».

«В цивилизованном обществе рейтинги по-прежнему основаны на физической силе или навыках? Является ли человек, который может нести самую тяжелую скалу, также тем, кто взойдет на трон? Как вы сказали, если Империя является таким гордым цивилизованным обществом, то те, кто думает о том, чтобы что-то сделать со мной, должны рассматриваться как варвары. Если племя Северных островов Западного континента по-прежнему считается дикарем за поклонение власти, почему наша великая цивилизация не стыдится того же? Цивилизация должна активизироваться и избавиться от варварства. Почему я должен нести бремя спасения себя? Эпоха грубой силы миновала Центральный континент, и теперь Империя защищает свою родословную и золото. Тем не менее, по-прежнему только помещать слабых в эту физическую логику является злонамеренной и грубой тактикой...»

"..."

То, что Лил подавляла и терпела до сих пор, вылилось наружу, как блевотина. Она произнесла свои слова, не дав Сезару шанса вмешаться.

«Мне так жаль, что мне нужно ваше разрешение, чтобы пойти куда-нибудь, где меня могут избить или не изнасиловать, будь то опасно здесь или безопасно там, я откажусь. Я пойду так, как хочу. Я больше не потеряю Филадельфию».

«Перестаньте говорить о таких ужасных вещах. Как вы можете говорить об этих идеалах, когда вы знаете реальность этого? Лишь немногие люди живут по идеальным идеалам, о которых вы говорите. Принятие доброй воли и защиты других также является формой мужества. Конечно, я знаю вашу гордость. Я знаю, как благородна твоя кровь. Я также знаю, насколько велик был ваш вклад в Понтенбахе. Я никогда не отрицал твоего превосходства, скорее, я уважал его и восхищался им».

«Это лицемерие. Это нельзя исправить, просто обернув все словами признания... В конце концов, вы все еще думаете обо мне как о незрелом ребенке, о котором нужно заботиться и баловать. Все это время ты шепчешь мне, что я королева. Твоя добрая воля и защита - это то, что заставляет меня чувствовать себя таким уязвимым... Конечно, ни один человек не совершенен, но кто-то вроде вас, который говорит, что никто не совершенен, даже не ищет моей защиты. В твоей голове только ты идеальный, и только я уязвимый. Так что ты ни разу, даже когда упал, не взял мою протянутую руку. Почему?! Почему так?»

"..."

"... Если я скажу вам, что хочу быть адмиралом. Вы будете первым, кто скажет; «Да, можно». Однако вы также сразу добавьте, что «на самом деле это невозможно». Вы когда-нибудь задумывались о том, почему это «реально невозможно»? Если вы подумаете об этом, можете ли вы все еще сказать это? Невозможно воплотить это в жизнь, потому что слишком много людей думают так же, как вы!»

«Выслушайте меня, пожалуйста. Это расстраивает, когда ты такой. Почему бы тебе сначала не успокоиться? Гнев — это всего лишь вспышка временных эмоций. Неужели вы не понимаете, что спорить в таком накаленном состоянии утомительно? У нас нет причин это делать».

«Не говори о разуме передо мной, когда я был свидетелем твоего гнева бесчисленное количество раз. Когда ты злишься, всегда есть серьезная и веская причина, но если я злюсь, то это из-за моего иррационального темперамента. Я так устал слышать это от тебя.

«Лилоа, ты не должна говорить так безрассудно. Если вы думаете, что я предвзят, пожалуйста, успокойтесь и укажите на это. Тогда я оглянусь на свое прошлое поведение».

«Как долго я сохранял спокойствие и как долго пытался с тобой поговорить? Но когда я это сделал, вы никогда не слушали. Тем не менее, вы все еще говорите мне успокоиться? С этим покончено. Если я успокоюсь, мир не изменится. Если ты, единственный человек, который заботится обо мне и любит меня, не меняйся. Зачем миру прислушиваться к моему шепоту?»

"..."

Послышался раздраженный вздох Сезара. Его терпение, как и терпение Лила, достигло предела. Но на этот раз ей было все равно, так как ей еще было что сказать.

«Ярость меняет мир».

<http://tl.rulate.ru/book/69952/2919898>